

Вырезка из газеты

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ПРАВДА

г. Ленинград

28 ИЮН 1967
У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ КУКЛЫ

ЕЩЕ МНОГИЕ упорно хранят чересчур немудреные понятия о сценическом искусстве кукол. Одни говорят: «Вот ведь какие эти куклы — маленькие, неживые, а как ловко копируют людей: ходят, сидят, прыгают, открывают рты...». Другие улыбаются снисходительно: «Смешные они, куклы!».

Для таких отзывов есть, конечно, свои основания. Иные спектакли или астральные номера действительно заставляют видеть в театральных куклах лишь шалунів, забавных передразнивателей. Что же касается С. В. Образцова и руководимого им Центрального театра кукол, то они издавна стремились внушить веру в необыкновенную силу своего искусства, в некоторых отношениях даже более выразительного и острого, чем «человеческий театр». На пути ЦТК случались неудачи и отступления, тем не менее именно положительный его пример — другим наука. И если сейчас в советском театре кукол стало больше разнообразия, а требования все серьезней и масштабней, в том большая заслуга ведущего коллектива кукольников.

И сами они не стоят на месте. Приехав сейчас на гастроли в наш город, ЦТК привез новые работы, еще не известные ленинградцам. Предназначенную детям «Волшебную калошу» (пьеса Г. Матвеева поставлена С. Самодуром) начинает не кукла, а актер. Это охотник. Р. Ляпидевский разговаривает с детьми доверительно, с живым, ненаигранным юмором и теплом. Он рассчитывает на отклик, на ответную симпатию — и получает ее. Так возникает определенная связь между сценой и ребенком — та самая задушевная связь, которая Образцову, его товарищам и ученикам необходима.

Хорошо задуманы и выполнены в «Волшебной калоше» куклы (художник И. Рублев). Актер с куклой (особенно интересен Б. Каушанский в ролях Собаки, Ежа и Медведя) технически виртуозно и психологически последовательно строит «человеческо-кукольный характер». Сохраняя свой облик и повадки, животные в то же время в своем поведении, отношениях очеловечиваются. Озабоченность, супружеские пе-

репалки ежей, сообразительность и сочувливость собаки Моти — все такие черты и свойства, как водится, приобретают в театре кукол необычную рельефность, отдаваясь от простого правдоподобия в сторону яркого и содержательного обобщения.

Взрослым москвичи предлагают новый вариант широко известного, всем миром одобренного «Необыкновенного концерта». Несмотря на всеобщее признание и неизменно полный зал, театр счел нужным решительно обновить спектакль. Убрать то, что потеряло адрес. Внести новые детали и штрихи в картину. Собственно, почти все детали теперь в картине новые. З. Паперный написал текст. Образцов вместе с Самодуром заново поставил спектакль.

Итак, перед нами, так сказать, ярмарка художественной суеты, выставка всевозможных видов и форм обесмысливания и ополчения искусства. Куклы с ядовитой и почти математической точностью разоблачают нелепость, отчаянную вздорность эстетических суррогатов.

Семьдесят кукол дисциплинированно, с напыщенной важностью исполняют «Торжественную кантату о витаминах». Бьется в неравном поединке с виолончелью маститая, седовласая бездарность. Лицо, все тело певицы занято тяжким трудом, тщательно пытаясь такими хлопотами замаскировать отсутствие голоса и вкуса. Ее коллега — бас, могучего телосложения хам, медведь во фраке. Иллюзионисты, забывшие всего лишь о пустяке — о простом смысле; в своем творческом рвении они доходят до того, что фокусник и его ассистентка обмениваются туловищами (такое наглядное и немногословное разоблачение бессмыслицы возможно только в театре кукол!) А Вольдемар Кыш, старый сноб, с его кварталом, квантовой музыкой и музыковедческими объяснениями, увы, живо напоминавший некоторые печатные программы сочетанием изысканной профессиональной терминологии с банальной цветистой патетичностью!

«Необыкновенный концерт» на редкость разнообразен. И притом нигде — ни в лучших его номерах, ни в тех, что послабее, —

вся эта пестрая безвкусица и дичь не представлены безвкусичными средствами. Вот еще особая примета образцовского коллектива: вкус, безупречная художественность.

Однако такая строгость вовсе не сродни рассудочной схеме, вообще какой бы то ни было бедности. Напротив, здесь склонны к неожиданностям, к оттенкам, сложному ходу. Вспомните хотя бы стремительный ненавидящий поворот аккомпаниатора Терпеливых вдогонок Конферансье, мимоходом его унизившему в своих речах. Иля сосредоточенную, густую, неподвижную печаль в глазах цыган, заключенных в рамки сомнительного ансамбля с убогим антуражем. Так меткий смех приобретает особую перспективу, воочию отдаляется от грубой, приплюсненной карикатуры.

Каждая кукла в «Необыкновенном концерте» — создание искусства, а вместе они образуют различные выразительные композиции (художник В. Андриева). Нельзя не сказать об этом, поскольку у художника в театре кукол роль очень большая, очень важная.

Здесь можно было бы поставить последнюю точку. И все-таки заканчивать этот краткий рассказ еще рано. В новом «Необыкновенном концерте» есть, нам кажется, моменты, требующие совершенствования. Не все в нем до конца выверено, зафиксировано. Участники-актеры словно говорят: «Можно и так» и почти никогда: «Так нужно, необходимо — и нам и вам». Расплывчат заново написанный образ Конферансье, хоть и работает с этой куклой талантливый актер С. Самодур. Потерялась определенность характера, своя логика, активность, бодрый напор, а ведь конферансье как раз должен поддерживать единство и целеустремленность всего движения спектакля.

В Центральном театре кукол спектакли живут долго, есть возможность их выверять и править. И идти к новым целям, новым спектаклям. Нет сомнения, ленинградцам предстоит еще многие встречи со своеобразным искусством этого театра.

Е. КАЛМАНОВСКИЙ